взаправду убьют. Это как?
— Как-же так, сват,— растерянно и жалко заморгал Мирон Григорьевич.— Живет она ни девка, ни баба, ни венчаная вдова, ишь это срамно так-то! Знатье-б, что оно так случится — я-б вас, сватов энтих, и на порог не пустил а то как-же так!.. Эх, сват, сват, кажному свово дитя жалко... Кровь-то она позывает...
— Чем я пособлю...? — с сдержанным бешенством начал наступление Пантелей Прокофьевич.— Что мне сказать толком? Я-то сам рад ему толку, нету сын с базу ушел? Мне-то сам от энтого прибыло? Иль вот каких наделал!
— На ему напиши.— глухо Мирон Григорьевич и в такт его словам шуршала плеть, сползая из-под лавки в кадку коричневыми игрушечными кружочками,— Пущай он раз и навовсе скажет!
— Дите у него от энтой...
— И от этой будет дите! — крикнул багровея Коршунов,— Рази можно так над живым человеком? А?.. раз спервоначалу себе придавал и теперь калека... и ее топтать в могилу? А... Сердце-то, сердце-то...— зашипел Мирон Григорьевич, царапая себе грудь, притягивая свата за полу,— аль у него волчье?
Пантелей Прокофьевич сопел и отворачивался в сторону.
— ...Баба вбесила ты нас, и иной окромя жену ей найти. Живет-же у тебя в холстинах?
— Она нам лучше родной! Замолчи то! — крикнул Пантелей Прокофьевич, и встал.
Разошлись они в разные стороны, не простившись.

Гл. 18

Выметываясь из русла жизнь, разбивается на множество рукавов, трудно предопределить по какому устремит она свой вероломный и лукавый ход. Там, где нынче мельчает — как речка на перекате, — так, что видно будущего поганенькую ее россыпь, завтра уж идет она полноводная, богатая...
Как-то нежданно созрело у Натальи решение сходить в Ягодное к Аксинье, упросить ее возвратить ей Григория. Ей почему-то казалось, что от Аксиньи зависит все, и упроси она ее — снова вернется былое счастье. Она не задумывалась над тем, как примет Аксинья ее странную просьбу, осуществимо-ли это и толкаемая подсознательным чувством она стремилась скорей претворить внезапное свое решение в жизнь.
На исходе мая Мелехово получили от